

ДАРЬЯ СЕРЕНКО

#ТИХИЙПИКЕТ

ОБ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ
ИЗВЕСТНЫХ АКЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ
И НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Дарья Серенко

#ТИХИЙПИКЕТ

Серия «Женский голос»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54715386
#тихийпикет: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-118352-3

Аннотация

Акция #тихийпикет – это художественный и активистский проект, превратившийся в настоящее движение и объединивший многих людей не только в 50 городах России, но и в 30 странах по всему миру. #тихийпикет – это история о том, как незнакомые люди разных (а зачастую и противоположных) взглядов оказываются способны доброжелательно разговаривать друг с другом на улицах города, как формулируют вместе современное политическое, спорят и открыто обсуждают социальные проблемы и стереотипы. #тихийпикет – это двухлетняя ежедневная попытка диалога, это 3500 плакатов на самые разные темы – от ксенофобии (а также сексизма, гомофобии, расизма и т. д.) до современного искусства, это несколько тысяч сделанных активистками и активистами “отчётов” об этих важных и острых разговорах.

Содержание

Предисловие	5
Манифест Тихого Пикета	37
Интервью	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дарья Серенко

#тихийпикет

© Дарья Серенко, текст

© Илья Кукулин, предисловие

© Софья Панкевич, фотография на клапане

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Книга посвящается всем, кто участвовал
в #тихомпикете, всем, кто следил за нашей
работой, а также всем незнакомкам и
незнакомцам, с которыми мы разговаривали*

Предисловие

Порог участия¹

– Я буду размышлять. У меня прежде никогда не было такого разговора.

– У меня тоже.

И.Я. Померанцев. Из стихотворения «Мы сидели в ресторане “Palffy Palac”...» (2009)

1

В подзаголовке эта книга названа «отчетной». По жанру она как будто бы является документацией уже завершившейся художественной акции. Иначе говоря, она говорит о недавнем прошлом. Однако всем своим строем вошедшие в нее тексты свидетельствуют об эстетическом и нравственном открытии и в своей совокупности пролагают новые пути в будущее – для современного искусства, а может быть, и для некоторых групп российского общества, никак не связанных с художественными кругами.

Эта книга – коллективный дневник «Тихого пикета», или #тихогопикета, как его назвали бы участники. «Тихий пи-

---

¹ Благодарю за ценные обсуждения и советы Ксению Гурштейн, Елену Калинскую и Полину Чубарь.

кет» – арт-проект московской поэтессы, художницы и куратора Дарьи Серенко, который сочетает черты художественной акции, социально-терапевтической практики, просветительской работы и общественного движения. Общие принципы «Тихого пикета» подробно изложены в самой книге, здесь нужно сказать только о самом необходимом.

С 29 марта 2016 года по 29 марта 2017 года Дарья Серенко практически ежедневно ездила в московском общественном транспорте на работу и домой с самодельными плакатами, которые часто изготавливала прямо в вагоне метро или в салоне троллейбуса. Плакаты содержали или стихотворения поэтов XX века, от Георгия Иванова до Аркадия Драгомощенко, или высказывания на темы, которые воспринимаются в российском общественном мнении как болезненные: домашнее насилие, неравноправие мужчин и женщин (при заявленном в Конституции равноправии), пытки в тюрьмах и колониях, неправосудные приговоры в отношении политзаключенных, права ЛГБТ, положение людей, страдающих психическими заболеваниями, или деятельность советских диссидентов, подрывающих благостное – и столь распространенное ныне – представление о всеобщей социальной гармонии в советские времена.

Серенко никогда не вступала в разговор первой, но всегда отвечала на обращенные к ней реплики, стараясь помочь своим собеседникам разрушить ментальные стереотипы и «блоки» в сознании; с некоторыми оговорками ее спо-

соб беседы можно было бы назвать сократическим, так как он помогал ее собеседникам – но и ей самой! – посмотреть по-новому на свои прежние мнения. Такие разговоры в своих отчетах она называет «коммуникациями». И поездки, и коммуникации Серенко описывала и анализировала на своих страницах в социальных сетях – Facebook и ВКонтакте, дополняя рассказы фотографиями, которые снимали ее друзья.

Постепенно в Москве и в других городах России и Украины, а потом и других стран стали появляться все новые и новые участники «Тихого пикета» – прежде всего молодые женщины, иногда мужчины, которые сами начинали таким образом ездить в транспорте или ходить по улицам с плакатами, которые провоцировали людей говорить на «неудобные» темы. К темам, которые предлагала Серенко, они добавляли свои – такие как, например, подозрительность по отношению к мусульманам или насилие над животными.

Как ни странно, в современном российском обществе, пораженном ксенофобией, участницы/участники «Тихого пикета» редко сталкивались с открытой агрессией. Пассажиры в транспорте или прохожие на улице иногда отворачивались или прятали глаза, в других случаях – насмехались или издевались, но иногда вдруг начинали говорить с «пикетчиками», и последствия этих разговоров могли быть совершенно непредсказуемыми: те, кто считал феминизм нелепостью, а проблемы повседневной агрессии в обществе – высосанны-

ми из пальца, могли вдруг пересмотреть свои взгляды.

Записи всех поездок и разговоров выкладывались в посвященном «Тихому пикету» паблике «ВКонтакте» и подробно обсуждались – с участием Серенко, других «пикетчиков/пикетчиц» и всех пользователей «ВКонтакте», кому было интересно следить за новым движением. Посты участников паблика об их поездках и «коммуникациях», с добавлением избранных онлайн-обсуждений и фотографий, и составили основной материал этой книги.

«Тихий пикет» может быть описан как сетевое общественное движение, осуществляющее, как сказали бы социальные философы, «микropolitическую работу». Теперь нужно объяснить, почему мы имеем дело не только с особым типом социального активизма, но и с художественной акцией и как такие акции соотносятся с контекстом современного российского искусства.

Начиная с середины XX века художники все чаще создают не картины и скульптуры, а акции и перформансы². Эти события или действия – импровизированные или, наоборот, тщательно подготовленные – могут разыгрываться не в специально отведенных для «культуры» местах (таких, как му-

---

² Подробнее см., например: Медиаудар. Mediaimpact. М., 2012; Ковалёв А. Российский акционизм 1990–2000. «World Art Музей» № 28/29. М.: Книги WAM, 2007; Перформанс в России. 1910–2010. Картография истории. М.: Издательская программа Музея современного искусства «Гараж», 2014; Голдберг Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней / Пер. с англ. А. Асланян. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

зеи или галереи), а на улицах, в транспорте или на стадионе. Часто их цель – спровоцировать самых разных людей, от посвященных зрителей до случайных прохожих, на то, чтобы откликнуться на происходящее, а иногда и на то, чтобы принять участие в нем. Здесь уместно вспомнить о двузначности русского слова «участие»: от зрителей такого события требуются и эмпатия, и во многих случаях взаимодействие с инициаторами перформанса. Сегодня пользуются большим успехом фестивали, на которых подобные арт-акции или собственно театральные спектакли проводятся в необычных, «неокультуренных» пространствах – в диапазоне от улиц до работающих заводов: это, например, эдинбургский «Фриндж», ежегодно проводимый еще с 1947 года, или петербургский летний фестиваль искусств «Точка доступа» (с 2015-го).

Авторы перформансов уделяют большое внимание их документации – описаниям, фотографиям, видеозаписям, свидетельствам очевидцев. Для многих современных художников документация имеет большее значение, чем непосредственно действие.

Но книга Дарьи Серенко – не только документация акции, но и ее составная часть: именно благодаря паблику «ВКонтакте» и блогу в «Фейсбуке» о ее ежедневных поездках узнавали люди за пределами Москвы, а в обсуждениях прояснялись общие принципы деятельности «Тихого пикета».

В России традиция перформанса существует очень дав-

но; более того, именно российские поэты и художники были среди изобретателей этого типа искусства – достаточно вспомнить хотя бы футуристов, которые гуляли по Москве с раскрашенными лицами. В советское время эстетика перформанса и хеппенинга существовала в полуподполье: такие произведения нарушали все возможные цензурные нормы и вдобавок способствовали локальной и стихийной самоорганизации зрителей без санкции идеологии и начальства, а такая самоорганизация в СССР была фактически запрещена.

Среди неофициальных российских групп, практиковавших перформансы в 1970-е – начале 1980-х, можно назвать «Коллективные действия», «Гнездо», «Мухомор» и некоторые другие. От акций «Коллективных действий» сохранилось огромное количество документации: это не только полупародийные «пригласительные билеты», фотографии и описания собственно акций, но и их подробные ретроспективные обсуждения на домашних семинарах, записанные на магнитофон и расшифрованные. Эти аналитические дискуссии тоже были частью акции. Публикой КД были образованные представители московской неофициальной культуры, готовые рефлексировать над тем, что они увидели и пережили. Однако тексты и фотографии «Коллективных действий» (КД) могли быть сохранены всего в нескольких экземплярах, и лишь сегодня их начинают издавать объем-

ными томами³.

Сегодня благодаря Интернету документация перформансов не просто моментально появляется в публичном доступе – как это происходит с отчетами об акциях Серенко, – но и вызывает столь же быстрые отклики и комментарии от незнакомых людей, которые оказывают влияние на дальнейшее развитие проекта. Принятый в сети «ВКонтакте» термин – калька с английского – «паблик» словно бы проявляет здесь свою этимологию: паблик оказывается частью публичного пространства.

Практика, которую изобрела Серенко, – вклад в обширный репертуар стратегий различных видов деятельности на стыке социального активизма и искусства, который стал складываться с начала XX века, стал особо активно пополняться с 1960-х годов и сегодня описывается в терминологии партиципаторного (participatory) и/или социально вовлеченного (socially engaged) искусства⁴. Партиципаторным называют искусство, в котором нет специально закрепленного статуса «художника», но есть возможность включения для зрителей и слушателей, которые превращаются в большей

---

³ Монастырский А. и др. Коллективные действия. Поездки за город. М.: Полиграф-книга, 2011; Монастырский А. и др. Поездки за город. Том 2, 3. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2011; Монастырский А. и др. Поездки за город. Том 4–5. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2016.

⁴ Подробнее см.: Бишоп К. Искусственный ад: партиципаторное искусство и политика зрительства / Пер. с англ. В. Соловья. М.: V-A-C Press, 2018.

или меньшей степени в соавторов.

Из записей в блоге Серенко видно: она последовательно стремится к тому, чтобы ее плакаты воспринимались не только как общественно-политическое, но и как эстетическое явление. Во время поездок она прошивала плакаты нитками или ездила с зеркалом, в котором отражался зеркально написанный плакат – его держала единомышленница, сидевшая напротив. Все это – методы остранения, которые помогают пережить само чтение текста на плакате как новую, непривычную деятельность. Кроме того, эта «эстетизация» и самих плакатов, и процесса их изготовления вызывала эффект, имеющий большое социальное значение: вокруг «пикетчицы»/«пикетчика»⁵ возникало особое психологическое поле, в котором общение между людьми может происходить

---

⁵ Я согласен с Серенко в том, что любое упоминание деятельности человека должно по возможности включать в себя возможность гендерной плюралистичности, то есть указания на то, что этой деятельностью могут заниматься и женщины, и мужчины, и те, кто определяет свою гендерную идентичность как-то иначе, но не пользуюсь тем способом записи с подчеркиванием, который принят в паблике «тихийпикет» – для меня более привычна запись со слэшем, которую используют в подобных случаях в англоязычной литературе. Д. Серенко регулярно участвует в Интернет-дискуссиях о так называемых феминитивах – женских окончаниях для обозначений профессий и социальных статусов («авторка», «композиторка» и так далее), которые сторонницы/сторонники феминитивов предлагают ввести в современный русский язык. Я не во всем согласен с адептами феминитивов, но сами эти дискуссии представляются мне полезными. По мысли американского философа Фредерика Джеймисона, феминистская ревизия языка позволяет вернуть в него утопическое измерение. В российских условиях важно, что утопическое измерение в этих дискуссиях придается языку без обращения к традиции фальшивой советской риторики.

по иным, чем обычно, правилам.

2

На протяжении нескольких десятилетий начиная с 1960-х годов художники, работавшие в разных частях света, разрабатывали осваивали методы эстетического преобразования привычных повседневных практик. Американская художница Элисон Ноулз в 1969 году предлагала всем желающим прийти к ней в гости, чтобы разделить ее несложную трапезу (акция «The Identical Lunch»). Риркрит Тиравания⁶ на протяжении 1990-х годов прославился тем, что на международных художественных выставках угощал всех желающих блюдами тайской кухни, предлагая считать именно эту раздачу еды своим произведением. В подобных случаях обычная, привычная деятельность словно бы берется в рамку⁷ и не только формирует зону потребления, но и становится предметом специального созерцания.

Деятельность «тихих пикетчиц/пикетчиков», очевидно, больше связана с вторжением в социальные отношения и из-

---

⁶ Определить его культурную принадлежность затруднительно: он родился в семье тайских (таиландских) переселенцев в Буэнос-Айресе, а сегодня живет попеременно в Нью-Йорке, Берлине и Таиланде.

⁷ Подобную невидимую, мысленную рамку, которая подчеркивает автономный статус произведения искусства и одновременно включает его в эстетический и исторический контекст, можно обозначить термином «парергон», введенным философом Жаком Деррида.

менением личных социальных стратегий, чем достаточно бесконфликтное искусство Тиравании. Подобного рода стратегии называют арт-активизмом. Они лежат на границе между искусством и общественной деятельностью и ставят своей целью заставить людей задуматься над политически значимыми проблемами – но делают это методами искусства, а не прямого политического призыва.

Ранний пример арт-активизма – проект «Молчание=смерть» (Silence=Death), реализованный группой из шести нью-йоркских художников в 1985 году: они отпечатали и расклеили по всему городу плакат, где на черном фоне был изображен розовый треугольник (знак, который должны были носить на одежде геи в нацистских лагерях) и написано «Молчание=смерть»: так они смогли обратить внимание общества на проблемы представителей сексуальных меньшинств, страдавших от эпидемии СПИДа.

В Восточной Европе социалистического периода арт-активизм чаще всего был «тихим» – таким, чтобы не привлекать внимания властей. Так, представители советской группы неофициальных художников «Гнездо» летом 1978 года в течение нескольких минут носили по одной из московских улиц красный лозунг, на котором ничего не было написано, но была перерисована работа художника-абстракциониста Франца Кляйна; или, например, чехословацкий художник Иржи Кованда в те же 1970-е провел серию перформансов, когда он то стоял некоторое время на людной площа-

ди и вдруг стремительно убегал, то вставал поперек движения пешеходов на людной улице, раскинув руки, то посреди толпы нес в соединенных ладонях речную воду⁸. Те немногочисленные зрители, которые понимали, что стали свидетелями не случайного инцидента, а сознательно разыгранной акции, открывали для себя возможность нарушения сценариев характерных, стереотипизированных действий, принятых в общественных пространствах.

Из более новых примеров международного арт-активизма можно назвать австралийскую художницу Дебру Келли, которая в 2009 году, к годовщине подавления протестов в Пекине на площади Тяньаньмынь организовала в разных странах мира акцию «Танго человека с танками» («Tank Man Tango»): все желающие могли выучить несложные – но странные – движения рук с сумками, напоминающие о человеке с сумками, вставшем тогда, в 1989-м, на пути колонны танков в Пекине; телевизионный кадр, запечатлевший этот момент, вошел в учебники истории.

В 1990-е годы в России появился «шумный» акционизм, представленный такими – уже общеизвестными – именами, как Олег Кулик, Александр Бренер или Анатолий Осмоловский. Александр Бренер стоял на Лобном месте в боксерских перчатках и спортивных трусах, вызывая на бой тогдашне-

---

⁸ Подробнее о «тихом» акционизме в Восточной Европе см.: *Kemp-Welsh K. Antipolitics in Central European Art: Reticence as Dissidence Under Post-Totalitarian Rule 1956-1989. London; New York: I.B. Tauris, 2014.*

го президента России Бориса Ельцина, а в дни начала первой Чеченской войны разбросал листовки в Елоховском соборе с криками «Чечня!». Олег Кулик, как известно, изображал на международных выставках «человека-собаку» и голым бросался на посетителей – а на поводке его держал тот же Бренер. В основе всех этих акций лежало (и ныне лежит) романтическое представление о художнике как об одиноком герое, который противостоит «мещанскому» или «греховному» обществу и при случае может стать его судьей, подобно средневековым юродивым. Такую позицию утверждали еще французские леттристы, ранние предшественники современного акционизма: в 1950 году они пытались поднять восстание воспитанников в детском доме на окраине Парижа или прервать пасхальную службу в соборе Парижской Богоматери. Современные представители политизированного арт-активизма в России хорошо известны – это группы «Война», «Pussy Riot», Петр Павленский; все они развивали на протяжении 2010-х именно романтическое представление о художнике⁹.

---

⁹ Сегодня стилистика «Pussy Riot» меняется, но это уже тема для отдельного разговора. Так, например, во время серии экологических акций весной 2019 года участницы группы вывесили лозунг «We need a new Earth» в лесу, «цитируя» одну из самых известных «тихих» акций «Коллективных действий» советского времени – «Лозунг-1977». Тогда в безлюдном месте в лесу участники группы вывесили красную полосу материи с надписью «Я ни на что не жалуюсь и мне все нравится, несмотря на то, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах». Тот же самый лозунг был установлен над входом в художественную галерею «Пересветов переулок», когда Д. Серенко работала там в 2018–2019 годах.

Арт-активизм, однако, может быть и очень «общительным» – с этой традицией и перекликается работа Серенко. Американская художница Адриэн Пайпер в 1983 году провела серию акций «Уроки фанка»: это были занятия, на которых она в самом деле учила слушателей танцевать фанк, но также вовлекала в дискуссии о расовых проблемах американского общества (так как фанк происходит от фольклора афроамериканцев) и учила обсуждать «неудобные» политические темы. Британский художник Джереми Деллер в 2009-м реализовал проект «Деваться некуда: разговоры об Ираке» («It Is What It Is: Conversations About Iraq»). Он объездил десять городов в разных штатах США на жилом трейлере, к которому была прицеплена платформа с автомобилем, обгоревшим и искореженным после взрыва бомбы на багдадской улице аль-Мутанабби (2007). Деллер устанавливал эту полууничтоженную машину перед музеями современного искусства, вставал рядом с ней и отвечал на вопросы прохожих – а вместе с ним в беседах принимали участие его спутники, проделавшие тот же самый путь по десяти городам: воевавший в Ираке сержант американской армии Джонатан Харви, гражданин Ирака Эсам Паша и куратор проекта Нэйто Томпсон¹⁰.

В России «общительное» искусство практикуют Артем Лоскутов с его ироничными «монстрациями», которые помогают участникам изменить отношение к идеологическому

---

¹⁰ Сайт проекта: <http://creativetime.org/programs/archive/2009/deller/>.

языку, или Катрин Ненашева – в тех ее перформансах, которые предполагают возможность вовлечения прохожих. 12 июня 2016 года, в День России, Ненашева привезла в Александровский сад рядом с Кремлем инвалида и активиста защиты прав сирот Дмитрия Жданова, сидящего в кресле на колесах, и на глазах у прохожих стала перевязывать его раны и пролежни. Женщина-полицейский, охранявшая порядок в саду, стала требовать от прохожих не подходить близко к Ненашевой и не смотреть на нее, но вообразим (хотя и не реализовавшийся) иной сценарий, в котором кто-нибудь мог бы предложить художнице и человеку в бинтах свою помощь.

Все эти акции так или иначе ставят автора в позицию не героя или судьи, который противостоит обществу и отделен от него, а собеседника или собеседницы, которые в общество включены. Такая позиция отчасти напоминает эстетику «тихого» активизма восточноевропейских художников 1970–80-х годов, но резко отличается от них в одном отношении – а именно в принципиальном повышении роли коммуникации между людьми.

«Тихий пикет» с его диалогичностью, отказом от претензий художника/цы на особый, исключительный статус помогает выработать антигероическую и при этом нонконформистскую позицию в современном искусстве.

В целом на протяжении 1990–2010-х годов в мировом искусстве стали резко более заметными два процесса, которые

«вызревали» в нем на протяжении всего XX века. Первый – это размывание граней между художником и нехудожником, возможность для самых разных людей принять участие в создании произведения искусства – как у добровольцев, танцевавших с авоськами в руках в проекте Дебры Келли. Второй процесс – это превращение повседневных взаимодействий между людьми в материал для работы художника, который стремится сделать эти взаимодействия видимыми, заметными (как Риркрит Тиравания) или изменить, как Деллер: разговоры вокруг сгоревшей машины помогали изменить и представления о войне в Ираке и о самом Ираке, сложившиеся в американском обществе. На пересечении между ними формируются новые типы искусства, которые называют коллаборативным или диалогическим¹¹ или, – что, наверное, будет звучать здесь еще точнее, – искусством встречи¹².

3

В разговорах, которые описывают участники «Тихого пикета», можно заметить довольно частый мотив: те, кто сочувствует авторам плакатов, говорят – «но ведь этим ниче-

---

¹¹ *Kester G.H.* Conversation Pieces: Communication and Community in Modern Art. Berkeley: University of California Press, 2004.

¹² *Beech D.* Weberian Lessons: Art, Pedagogy and Managerialism // Paul O'Neill & Mick Wilson, eds., *Curating and the Educational Turn*. London: Open Editions; de Appel, 2010.

го не изменишь», или, если им попадаются оптимисты, – о том, что «нужно же с чего-то начинать». Не оспаривая второй точки зрения, добавлю, что акция Серенко уже произвела некоторый эффект. Она изменяет сами способы общения между людьми, на что постоянно обращают внимания и сами участники «Тихого пикета», и их собеседницы/собеседники.

Прежде всего для того чтобы включиться в деятельность «Тихого пикета», нужно было преодолеть страх: стать иным/иной в толпе, выделиться, привлечь к себе внимание – и вдобавок нарушить общепринятую норму, которая предписывает не обсуждать болезненные для общества вопросы, не называть их вслух, не пытаться их проблематизировать. О преодолении страха, сильном волнении, чувстве опасности, о пересечении невидимой преграды подробно пишут сразу несколько участниц/участников «Тихого пикета» – и эти страницы для меня относятся к самым важным в книге. Страх приходится преодолевать тем больший, чем более табуированная тема выносится на плакат, и судя по тому, что здесь описано, к наиболее взрывоопасным относятся вопросы о правах ЛГБТ и о домашнем насилии в отношении женщин и детей.

Опыт преодоления такой невидимой преграды у ста с небольшим молодых людей – вроде бы совсем не великое событие в масштабах большой страны, но из деятельности «Тихого пикета» становится понятно, что это вообще возможно: вступить в коммуникацию с другими людьми о том,

что тебя беспокоит больше всего, при всей рискованности такого разговора в нынешней России.

«— Знаете, я заметил, что сейчас вообще мало люди с разными взглядами разговаривают.

— Ну так да, об этом и проект! У меня нет задачи вас в чем-то убедить, у меня задача сделать проблему видимой, а потом человек пусть сам решает, как к ней относиться».

«Чем дольше я в акции, тем сложнее осуждать людей».

Самый поверхностный — но и необходимый — смысловой уровень «Тихого пикета» состоит в том, что это персонализированная и гуманистическая (основанная на нуждах и интересах каждого конкретного человека) форма просветительства. Плакаты, воспроизведенные в этой книге, часто содержат не только указание на ту или иную общественно значимую проблему, но и гиперссылки и даже списки литературы — например, какие популярные книги о сексуальности можно давать для чтения подросткам. С одной стороны, это напоминает библиографии в научно-популярных и онлайн- и оффлайн-изданиях. С другой — весь формат пикета предполагает, что предлагаемый текст станет поводом для диалога между участниками, чьи общие интересы будут обнаружены путем дискуссии. Здесь Серенко опирается на идею искусства как пространства для беседы, выработанного московскими концептуалистами. Можно вспомнить, например, о том, как Д.А. Пригов в середине 1980-х вывешивал на фонарных столбах или стенах домов в Москве абсурдистские

«обращения к гражданам» и давал в 1990-е огромное количество уже совершенно серьезных интервью, объясняя свои эстетические позиции. По-видимому, Пригов одним из первых почувствовал необходимость позиции художника-как-собеседника в переломные, или как минимум исторически переходные периоды.

Однако если отойти от сугубо информационного уровня, от плаката перейти к человеку-с-плакатом (инициаторка акции назвала себя как-то «девушка-с-плакатом»¹³), то становится понятно, что главное в «Тихом пикете» – это создание, пользуясь компьютерной метафорой, новых протоколов коммуникации или, в другой терминологии, новых способов разговора о ценностях. Средства для такого разговора приходится вырабатывать на ходу, создавая практически из ничего. Социологи и антропологи пишут, что для российского общества характерен «синдром публичной немоты» – отсутствие средств и ресурсов для «публичного обсуждения насущных проблем»¹⁴. «Тихий пикет» – способ преодоления этой немоты неожиданным способом: вместо привычных пространств публичности (особенно медийной публичности), где собеседники кричат друг на друга, зачастую фи-

---

¹³ Почти так же – «Девушка с плакатом», просто без дефиса – назывался первый медийный текст, посвященный «Тихому пикету» – передача Дмитрия Волчека на Радио Свобода от 5 мая 2016 г. (<https://www.svoboda.org/a/27717761.html>).

¹⁴ Вахтин Н., Фирсов Б. Предисловие // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Отв. ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 7.

зически смотря на телекамеру, а не друг на друга, и не слыша доводов оппонента – телестудии или зала в административном здании, где проходят «общественные слушания», – такое пространство публичности создается заново в диалоге двух или нескольких людей.

В одном из обсуждений в паблике, перепечатанных в этой книге, Серенко пишет:

«На мой взгляд, тихий пикет помимо «просветительской» функции выполняет другую, не менее важную: показать ИНОЙ способ говорить. Иную риторику. Не высокомерную, не враждебную, рефлексирующую, самокритичную, пристальную, открытую, внимательную. И не в ответ на такую же риторику, а как раз в ответ на прямо противоположную».

И в другом месте повторяет:

«У нас нет конкретной цели переубедить. Есть цель транслировать другую риторику».

Именно такое переизобретение публичного пространства позволяет собеседникам «пикетчиков» принять саму возможность разговора о том, что представляется дискомфортным и пугающим, – например, о том, что сегодня рядом с нами в тюрьмах и колониях содержатся люди по политическим обвинениям. В книге процитирован разговор Серенко с охранником магазина одежды:

«– Знаете, вот я живу и ничего не вижу, ничего. Все как будто в тумане. Я даже не знаю, что есть политические заключенные. Мы с вами как будто в двух мирах. Я ничего не

вижу. Стою, а вокруг все время одежда, одежда, туман, туман. Хочется хоть что-то увидеть, реальность какую-то».

В современной России распространение информации о кризисных процессах наталкивается на существенные ограничения. Многие просто не знают о масштабах домашнего насилия, полицейского произвола или экологических катастроф. Но есть и другая проблема. Общественная жизнь устроена так, что наиболее проблемные или конфликтные ее зоны не могут быть поняты с одной, замкнутой на себя точки зрения – нужны несколько взглядов, чтобы возникла объемная, «стереоскопическая» картина и стали видны возможные стратегии выхода их тупика. «Тихий пикет» необходим для открытия такой картины – как коммуникативное пространство.

Начиная с XIX века в больших европейских городах стали формироваться новые типы повседневного существования. Один из них – жизнь одиночки в толпе, когда человек лишь изредка обращает внимание на других и лучше понимает, что ему говорят товары в витринах, чем лица встречаемых. Типичного горожанина-созерцателя, ставшего, по Бодлеру, героем современности, историки культуры называют фланером¹⁵. Другой тип – человек в составе митинга или ор-

---

¹⁵ Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. Перевод с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе / Пер. с нем. и фр. Сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб: Symposium, 2004. С. 47–234, особ. с. 82–95, 98–108.

ганизованной демонстрации, в которых теряется личность¹⁶. В обоих случаях не возникает необходимости говорить с теми, у кого другие взгляды, чем у тебя, или с теми, кто потенциально может быть твоим оппонентом. Участницы/участники «Тихого пикета» – это антифланеры: они не закрываются от единообразной толпы, а, путешествуя по городу, открываются навстречу отдельным людям, чтобы поговорить о том, что важно для многих – но тет-а-тет и в пространстве не «встречи идеологий», а «встречи сознаний».

4

«Тихих пикетчиков/пикетчиц» беспокоит разное: одного – исламофобия, других – стигматизация душевнобольных, третьих – употребление в пищу животных. Темы плакатов очень разнообразны, но в целом их можно свести к нескольким «смысловым узлам». Незамечаемое повседневное насилие: от привычного, бесконечного рукоприкладства в семье до пыток в колониях. Обвинения в адрес жертв в их собственных несчастьях: то, что сейчас в социаль-

---

¹⁶ Впрочем, жизнь в мегаполисах XX века приводила к деперсонализации не только в публичных пространствах, но часто – и в процессах труда и даже отдыха. См. об этом, например, в работах немецкого теоретика культуры Зигфрида Кракауэра: *Кракауэр З. Орнамент массы: Веймарские эссе* / Пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. Лишь со временем начали появляться способы борьбы с унификацией человека, в том числе – связанные с современной партиципаторной культурой.

ных сетях называют взятým из английского словом «виктимблейминг» – например, утверждения о том, что бедные или нищие заведомо виновны в своем положении или что жертвы домашнего насилия наверняка намеренно или бессознательно провоцировали своих мучителей. И наконец, страх перед теми, кто не похож на «обычных» людей: перед сексуальными меньшинствами, феминистками или инакомыслящими.

(Часть опубликованных в этой книге текстов написана веганами¹⁷. Автор этих строк не разделяет их взглядов, но я думаю, что участие веганов в «Тихом пикете» важно и для тех, кто ест мясо: обсуждение веганских призывов тоже «работает» на то, чтобы понять степень терпимости к насилию в обществе – и понизить уровень этой терпимости и готовности принять ее как должное.)

За всеми этими «узлами» стоит одна общая идея: оспаривание моральной правоты воображаемого большинства. Воображаемого – того, о котором мы знаем только из телепередач и из результатов социологических опросов. Очень удобно мысленно примкнуть к такому большинству и при неприятных новостях думать, что «со мной такого случиться не может». С этой мыслью, если повезет, можно прожить много десятилетий. Но из плакатов и «коммуникаций» «Тихого пикета» становятся ясными совершенная иллюзорность

---

¹⁷ Веганы – наиболее строгие вегетарианцы, которые не употребляют в пищу не только мясо, но также молоко и молочные продукты и вещества растительного происхождения – например, желатин.

и лицемерие коллективной моральной правоты, которые зиждятся прежде всего на стереотипах, привычных суждениях. Освободиться от этих стереотипов, как становится понятно из этой книги, значит открыть для себя более трудный и непредсказуемый, но одновременно и более богатый и интересный мир, чем тот, который привычен для носителей «мысли о правоте». «Прокручивая в голове стереотипы, связанные с женским (нежность, эмоциональность, несамостоятельность, безответность и др.) и мужским (сила, агрессия, доминирование, «никогда не плачут» и т. д.), можно только поразиться, насколько эти догмы нас ограничивают».

Участники проекта открыли для себя, что именно чувство заведомой правоты подпитывает ксенофобскую риторику. Очень важно, что Серенко в интернет-комментариях старается оспорить претензии на такую правоту и в среде самих «пикетчиков/пикетчиц»:

«Мне очень больно, когда в комментариях появляется взаимная риторика ненависти. «Вот, я ей/ему все объяснил, а он/она меня не слушает», «всем плевать на мой плакат, мы живем в мире быдла и серой массы», «сам такой, тебя надо лечить» и пр. ДРУЗЬЯ, С ЧЕГО МЫ ВООБЩЕ Взяли, ЧТО ЧЕМ-ТО КРУЧЕ?) ты можешь быть просвещен_а по вопросу гомосексуальности, но при этом проявлять невежество в вопросах эйблизма и т. д. Чек е привиледж, как говорится»¹⁸.

---

¹⁸ «Check your privilege» – американский Интернет-мем, первоначально воз-

Собеседники «тихих пикетчиков/пикетчиц» – и это очень хорошо видно из отчетов – часто не знают, как реагировать на их плакаты и беседы с ними. Серенко замечает: «...иногда разговоры с людьми так трудно пересказывать, что мои отчеты больше похожи на некие анализы речи». Такая проходящая в социальных сетях аналитическая работа – почему со мной разговаривали именно так – не менее важная часть «Тихого пикета», чем собственно поездки с плакатами и «коммуникации»¹⁹.

Огромную – едва ли не бóльшую – часть публичного пространства в современном мире занимают голоса, говорящие с позиции силы, реальной или предвосхищаемой: «Когда наши придут к власти, мы им всем покажем!». «Тихие пикетчики/пикетчицы» говорят с позиции слабости. Приступы страха у тех, кто начинал поездки с плакатами, обусловлены в том числе и этой причиной: они интуитивно или отрефлек-

---

никший из названия статьи феминистки и гендерной исследовательницы Пегги Макинтош 1988 года. Макинтош привела примеры 46 случаев фоновых, «по умолчанию», представлений, которые существуют у белых мужчин, но могут отсутствовать у представителей других групп населения, например: «Меня никогда не просят высказаться от лица всех людей моей расовой группы», или «Я могу быть вполне уверен, что, если я прошу [в каком-нибудь учреждении] поговорить с начальником, я встречу человека той же расовой принадлежности, что и я». В том смысле, в котором говорит Серенко, под «привилегией» понимается не расовый или социальный статус, а самоуверенность сознания, не замечающего «слепых пятен» своего взгляда на мир.

¹⁹ В этой аналитичности – как и в общей «текстоцентричности» и в стремлении к последовательной критике стереотипов обыденного сознания – Серенко тоже оказывается наследницей московского концептуализма.

сированно понимали, что заметность «непохожего» одиночки в толпе – это позиция слабости и уязвимости. Но без такого принятия себя как слабого и уязвимого – трудно раскрыться.

«Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении – нежные и слабые, а при гибели – сухие и гнилые. Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет» («Дао Дэ Цзин», пер. с китайского Яна Хиншуна)²⁰.

5

В своих текстах Серенко показывает: «Тихий пикет» свидетельствует о ситуации, когда общество теряет нравственные ориентиры, и кажется, ничего сделать уже нельзя. Парадоксальный лозунг «пикета»: «Когда опускаются руки – руки не опускаются».

Не случайно «Тихий пикет» начался с плакатов Серенко о деле Ильдара Дадина. В 2015 году этот гражданский активист стал первым россиянином, осужденным по недавно – на тот момент – введенной статье Уголовного кодекса 212¹ –

---

²⁰ «Дао Дэ Цзин» («Книга о пути и внутренней силе») – китайский классический философско-религиозный трактат, восходящий предположительно к VI–IV вв. до н. э.

о неоднократном нарушении порядка проведения митингов. Среди инкриминируемых Дадину эпизодов были четыре полицейских задержания во время одиночных пикетов – хотя такие пикеты, по российскому законодательству, не требуют согласования²¹. Дадин был приговорен к трем годам лишения свободы; организация «Amnesty International» признала его политическим заключенным²².

Дело Дадина показало обществу, что публичные формы выражения протеста в России становятся все более стигматизированными и опасными²³. «Тихий пикет» стал выходом в безвыходной ситуации – «когда руки опускаются»: Серенко предложила форму общественной активности, которая не была ни митингом, ни демонстрацией, ни одиночным пикетом в общепринятом смысле слова.

Для того чтобы показать, как с психологической точки зрения «работает» «Тихий пикет», необходимо объяснить,

---

²¹ Зотова Н. Вышел и стоял? Сядет на три года // Новая газета. 2015. 9 декабря (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/07/66699-vyshel-i-stoyal-syadet-na-tri-goda>).

²² См., например: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/11/russia-shocking-new-torture-allegations-by-prisoner-of-conscience-must-be-investigated/>.

²³ В январе 2017 года Конституционный суд РФ по запросу Дадина постановил, что статья 2121 УК не может применяться к лицу, которое раньше подвергалось административному наказанию по всем эпизодам обвинения (так как это противоречит общепризнанному правовому принципу не подвергать одного и того же человека двойному наказанию за одно и тоже действие). В соответствии с этим постановлением дело против Дадина было признано незаконным, и активист был освобожден, отсидев в колониях год и два месяца.

как воздействуют на собеседников участниц/участников акции вынесенные на плакаты тексты. В роли таких текстов, как я уже говорил выше, часто используются стихи – инновативные, сложные или как минимум с неочевидным смыслом.

По-видимому, Серенко и ее единомышленницы/единомышленники поняли: для того чтобы принять такой мир, в котором человек знает больше, чем прежде, о насилии, безвинном страдании и неосознанных привилегиях, нужна не только этическая рефлексия, но и трансформация воображения, которое позволит каждому создать новый, меняющийся образ реальности, лежащей по ту сторону ментальных стереотипов. Такой образ, который можно разделить с другими, но всегда наугад и наудачу.

Трансформация воображения нужна как минимум для того, чтобы преодолеть чувство невозможности высказывания. Одна из «пикетчиц» пишет о себе: «...После принятия «пакета [Яровой]» я сильно грузанулась, была шокирована и пришла к выводу, что сейчас могу общаться исключительно метафорой».

Серенко долго не решалась, по ее собственному признанию, создать плакат на основе стихов Аркадия Драгомощенко (1946–2012) – одного из самых сложных для понимания современных русских поэтов. В одном из комментариев к акции художница описывает, почему она решила все-таки потратить много времени и сил, чтобы найти такое его стихо-

творение, которое можно было бы перенести на плакат²⁴:

«...Поэзия Аркадия Драгомощенко как бы фиксирует промежуточные этапы языковой/мыслительной работы, оборванные цепочки, недостроенные системы, из которых на самом деле и состоит важное. Проговорить на письме то, что не проговаривается, столкнуться со швами целостности, с языковыми гештальтами – это то, с чем борются школьные уроки литературы в течение многих поколений, выхолащивая представление о поэтическом и в принципе рефлексивный аппарат, влияющий на всю жизнь человека».

Иначе говоря, дальняя задача «Тихого пикета» – возможность дать людям средства, чтобы перестраивать свой «рефлексивный аппарат». Важнейшим инструментом такой перестройки становится инновативная поэзия – если ее воспринимать и обсуждать совместно.

Феминистка Кэрол Ханиш в 1969 году написала эссе, название которого стало знаменитым и превратилось едва ли не в пословицу: «Личное – это политическое». «Тихий пикет», как и целый ряд других экспериментов в современном искусстве и в поэзии, позволяет сформулировать новый тезис: интерперсональное (то, что происходит между отдельными людьми) – это сегодня и есть политическое.

---

²⁴ Дополнительная проблема состоит в том, что большинство стихотворений Аркадия Драгомощенко – довольно длинные и не помещаются на небольшом плакате.

В 2008 году поэт и эссеист Григорий Дашевский (1964–2013) написал текст, проблематика которого имеет прямое отношение к деятельности «Тихого пикета». Этот текст – ответ на анкету журнала «Новое литературное обозрение» – мало известен. Позволю себе привести длинную цитату, показывающую логические связи выдвинутых Дашевским тезисов.

«...Этический и эстетический нонконформизм 1960–1970-х был возможен в том числе и потому, что он неявно апеллировал к образу “просто человека” как субъекта истории и политики. В складывании этого образа участвовали силы самого разного порядка: превращение Холокоста в центральное событие Второй мировой войны и вообще европейской истории XX века (выдвинувшее на первый план образ человека-жертвы вместо государств и армий, генералов и политиков), пропагандистские требования монолитного морально-политического единства в социалистических обществах (делавшие каждое нарушение такого единства значимым политическим фактом), рост экономического благополучия по обе стороны “железного занавеса” и многое другое, включая и сам этот нонконформизм, включая работу самой эстетики, которая дает такого рода образам окончательное оформление, лицо, наглядность. Кульмина-

цией влияния этого образа были ТВ-картинки конца 1980-х – начала 1990-х: одинокий студент против танков на площади Тяньаньмынь, Сахаров против Съезда народных депутатов, безоружные люди против танков в Вильнюсе или Москве в 1991-м.

Базовое отношение наблюдателей, зрителей, свидетелей к “просто человеку” – солидарность: и мысленная, и практическая. “Он такой же, как я, – я могу встать рядом с ним” – мысленно или физически.

У нас образы “просто человека” 1960–1980-х годов не смогли пережить эпохи перемен 1990–2000-х. В борьбе образов за существование победили нечеловеческие фигуры и сущности – носители Силы, *титаны*, *зигфриды* и *валькирии*: Сталин, Россия, Запад, олигархи, телезвезды; теперь именно они стали субъектами истории и политики.

[...] Диссиденты позднесоветского времени сегодня снова представляются в СМИ как агенты Запада не только по политическим и конспирологическим причинам, но еще и потому, что Запад как мифическая сущность – это герой нужного масштаба для драмы истории, как ее понимает нынешнее сознание, а диссидент (как всякий “просто человек”) мельче этого масштаба, ниже “порога участия”.

Солидарность с титаническими фигурами невозможна; базовым отношением к ним становятся либо культ, служение, включенность (“я – часть России”, “я – поклонник Димы Билана” и т. п.), либо родство (ср. бесконечные телепе-

редачи о разного рода “племянницах Ворошилова”), то есть разные типы *слияния*»²⁵.

Участники/участницы «Тихого пикета» в каждой «коммуникации» возвращают достоинство частному человеку. Частному, но не отъединенному от общества, не замкнутому в частной жизни. Напротив, как только человек осознает себя в беседе с «тихим пикетчиком/тихой пикетчицей» как активную действующую силу, оказывается «выше «порога участия», тут-то он/она и выходит из ситуации «слияния», отказывается от готовности автоматически примкнуть к господствующей – или стремящейся к господству – сверхчеловеческой социальной силе. Недаром «коммуникация» с «пикетчиками/пикетчицами» часто начинается с попыток выяснить, «откуда» они, кто им поручил нести этот плакат, кого они представляют. Настойчивое утверждение, что каждый/каждая действует сам/а от себя, просто в рамках «Тихого пикета», становится значимым шагом в переориентации сознания их собеседников.

XX век стал, как известно, временем кризиса веры в любые коллективистские утопии. В нынешней России на место общеобязательной и самоуверенной утопии большевизма пришла не менее самоуверенная надежда на государственную мощь, не нуждающуюся ни в каких оправданиях. «Тихий пикет» самой своей работой производит утопию

---

²⁵ Ответ на анкету в разделе «По ту сторону иерархии» (Новое литературное обозрение. 2008. № 91. Сохранены курсивы Г. Дашевского).

очень непривычного (хотя и не вовсе нового) типа – представление о сообществе, которое возникает в результате равноправной коммуникации людей, научившихся находить общий язык для разговора о ценностях, своих для каждого из собеседников.

Подводя итоги акции, Дарья Серенко написала:

«Я бы хотела жить в такой стране, какой стал для меня #тихийпикет».

Илья Кукулин

Манифест Тихого Пикета

«Когда опускаются руки, руки не опускаются»

Акция #тихийпикет существует почти 4 года. Все это время активисты и активистки передвигаются с плакатами в опущенных руках или плакатами, пришитыми к рюкзакам. Смысл акции заключается в том, чтобы инициировать безопасный разговор на тему плаката. Тихопикетирующие молчат до тех пор, пока к ним не обратится незнакомый человек, прочитавший плакат.

Темы могут быть любыми – феминизм, политзаключенные, гражданское общество, современное искусство и поэзия, личное переживание, новостной повод и так далее. Единственное ограничение – это не делать дискриминирующих сообщений. За два года более 600 человек участвовали в акции, было создано около 2,5 тысячи плакатов, записано около 1000 разговоров в 40 городах и 15 странах. «Отчеты» о разговорах публикуются на публичных страницах проекта в социальных сетях и каждый раз начинаются с имени человека, который пишет, например, «Даша пишет».

За эти два года с плакатом в руках наши ожидания от возможных коммуникаций оказались полностью разрушенными. Мы не можем предсказать реакцию, не можем спрогнозировать разговор, мы не делаем обобщающих выводов о лю-

дых и их чувствах и мыслях. Девиз тихого пикета – «когда опускаются руки, руки не опускаются» – это девиз, рожденный в политическом отчаянии, но каждый раз заново утверждающий необходимость говорить.

Почему мы не выходим на настоящий пикет? Мы думаем, что одиночный пикет часто не является формой взаимодействия с другим человеком, так как со стороны воспринимается странным, чужим, вне контекста. Тихий пикет позволяет установить иной контакт: подглядывая, разглядывая, параллельно вбивая что-то в поисковик, общаясь, можно многое узнать и запомнить. Акция выстроена вокруг чужого любопытства. Рука с плакатом опущена вдоль тела, вид повседневный, текст наружу. На все вопросы мы отвечаем вежливо и спокойно.

#тихийпикет – формат простой и открытый, в нем может поучаствовать любой человек, готовый к открытости и дружелюбию по отношению к незнакомым людям.

Важно, что акция не подчеркивает границы, она не зря всегда «в дороге», в пути: нет никаких своих и чужих, тех и этих, «там» и «здесь». Есть тотальное пространство коммуникации, и #тихийпикет исследует и обозначает – как может – это пространство. Несмотря на то что у нас у всех разный социальный опыт, каждому из нас есть что сказать внутри акции.

Постоянными участницами тихого пикета было принято важное решение: в связи с тем, что акция расширяется и пря-

мая коммуникация между тихопикетирующими становится сложнее, мы решили обобщить наши взгляды, чтобы сделать их доступными для всех желающих присоединиться к нам:

1. Информация, используемая нами в плакатах, отчетах и разговорах с людьми, не должна основываться на наших домыслах. Перед тем как сделать плакат, важно ознакомиться с доступной информацией по теме – это может быть не только научная статья, но и посты из паблика/ЖЖ/личной страницы (при этом опирающиеся на исследования, а не взятые из воздуха);

2. Степень вежливости по отношению к людям – личный выбор каждого, но важно быть нейтральными – сдерживать агрессию и оскорбления в ответ на неприятие вашей позиции. Мы не просим вас «подставлять вторую щеку» – коммуникацию всегда можно оборвать. В случае опасности – защищайтесь!

3. Мы и наши плакаты активно выступаем против дискриминации женщин по признаку пола (сексизм), враждебного отношения к трансгендерным и транссексуальным людям (трансфобия), предубеждений в адрес людей других этнической, национальной, расовой принадлежности (расизм, шовинизм), гомофобии/лесбофобии, системной дискриминации людей с инвалидностями и хроническими заболеваниями

ями (эйблизм), дискриминации по внешности (лукизм), дискриминации по социальному классу (классизм), дискриминации человека на основании его возраста (эйджизм) и других видов дискриминаций.

4. Новые участницы и участники часто спрашивают о «технологии» тихого пикета: здесь все свободно, существует только одна просьба: держать плакат не демонстративно (как это обычно происходит в одиночных пикетах – на уровне груди), а любым другим «удобным» образом

Интервью

Елена Костюченко, Дарья Серенко

– Почему пикет – тихий?

– На тот момент, когда проект создавался у меня в голове, у меня было отторжение каких-то обыкновенных, привычных форм протеста. Я не хотела быть на митингах. Я понимала, что это нужно и важно, но ощущение у меня было такое, что я ору в пустоту. В тот момент мне хотелось осмысленной тишины. И я начала искать эту форму. Мой первый плакат был про активиста Ильдара Дадина, про то, что он сидит в тюрьме за одиночный пикет – ему дали 3 года. Я попробовала такой формат плаката – плаката в опущенной руке, как будто бы я еду с митинга или, наоборот, еду на митинг, нахожусь в своеобразном промежуточном состоянии. За одну мою короткую поездку в метро я поговорила с двумя людьми, которые сами прочитали украдкой мой плакат и подошли ко мне, чтобы узнать, что происходит. Я рассказала им, что вот есть такой человек Ильдар Дадин, он политзаключенный, рассказала о том, что одиночный пикет не надо согласовывать и что у нас есть на это конституционное право. После первого тихого пикета меня еще долго колотило, но при этом я чувствовала, что, скорее всего, эти разговоры не состоялись бы, если бы я просто стояла на улице, а не еха-

ла в метро.

С тех пор я в течение полутора лет выходила почти каждый день с новым плакатом. И фиксировала разговоры по памяти в соцсетях.

– Для тебя протест всегда был про коммуникацию с людьми, которые вокруг? Не про коммуникацию... с властью?

– Честно говоря, мне сложно пока представить коммуникацию с властью не потому, что я не верю в эту коммуникацию, а потому, что мы находимся на такой огромной дистанции – где власть и где я, и трудно вообразить коммуникативный мост, который был бы предусмотрен таким положением вещей. И поэтому я никогда не могла понять, что это такое – разговор с властью. Для меня это всегда было коммуникацией с другими людьми, с людьми других взглядов. Хотя есть, конечно, другие активисты, у них выстроены иные стратегии, они могут добраться до самой верхушки и что-то там изменить, но это пока не про меня.

– Как происходил поиск языка, взаимодействие с другими?

– Правила вырабатывались постепенно. Одна я была только первые полтора месяца. Потом я завела паблик ВКонтакте, у меня были подписчики, человек пятьдесят, и я выкладывала каждый день то, что делаю, в Фейсбуке и в ВК. У ме-

ня было всего несколько правил на тот момент. Первое, что я поняла, — я никогда, ни при каких обстоятельствах в рамках акции не буду стоять с поднятым плакатом. Это было нужно, чтобы оставить больше возможности для взаимодействия, чтобы люди меня меньше боялись, а я меньше боялась их.

В процессе разговоров я поняла, что постараюсь быть вежливой и открытой, даже если категорически не согласна с тем, что мне говорят: я хотела дать человеку шанс высказать его позицию, потому что у нас очень мало пространств для свободного высказывания любых позиций. У меня не было задачи переубедить человека в его взглядах, я спорила, конечно, но спокойно относилась к тому, что каждый может остаться при своем.

Часто мы с людьми обсуждали то, что происходит между нами прямо сейчас. Многие говорили: так странно, что мы с вами стоим и говорим здесь. Мы вроде в метро, а обсуждаем национализм в России. Другие говорили: ну, девушка, вы — молодец, конечно, но вы же понимаете, что все, что вы делаете, бесполезно? Например, я с вами соглашусь, а кто-то с вами не согласится, все это капля в море. Помню, однажды встретила парня в метро, он был математиком, и он в уме пытался подсчитать эффективность моего плаката: сколько людей в день его увидят при лучшем раскладе, при худшем, как это может быть конвертировано в результат и т. д. Я ему отвечала — подожди, это же совершенно не важно и работа-

ет совершенно не так: вот мы с тобой сейчас разговариваем, потом я расскажу о том, как мы с тобой разговаривали, или ты расскажешь. А потом кто-то еще расскажет, как мы с тобой разговаривали. Так создаются совершенно непредсказуемые для нас ветки разговоров.

Тихийпикет – это еще и про открытость чужому опыту. Я вдруг поняла, что я как активистка жила в каком-то пузыре. В пузыре людей с такими же взглядами, и я никогда до этого – мне было тогда 23 – не выходила из этого пузыря. Был университетский пузырь, потом был пузырь на работе, где почти те же самые люди из университета. Я вышла из пузыря и поняла, что я вообще-то довольно привилегированный человек во многих вещах, у меня был доступ к образованию, я не занималась тяжелым физическим трудом, направленным на выживание. И я поняла, что надо злиться не столько на людей, транслирующих язык ненависти, а на систему, которая этот язык порождает. Как только акцент сместился, стало очень легко разговаривать. И под открытостью мы понимали не критику человека, а критику этой системы взглядов.

– А нет ли обвинений в пропаганде? Я по-прежнему живу иллюзией, что есть мои взгляды, жизненные позиции, частный жизненный опыт. И тут вдруг кто-то раз – и объявляет это либеральным обкомом или, не знаю, наоборот, путинской пропагандой.

– Это важно то, что ты сказала. Я не хочу называть чужие взгляды исключительно результатом пропаганды и обесценивать то, с чем человек живет. Но иногда я замечала, когда мы с незнакомыми людьми разговаривали друг с другом на самые острые и сложные темы, будто в нашем разговоре кроме нас двоих присутствовал кто-то третий или что-то третье. И это что-то могло идти вообще поперек всему тому, о чем мы говорили. Получалась такая нарушенная причинно-следственная история: вот человек излагает мне свои мысли и я слежу за их ходом, а потом вдруг появляется этот третий чужой язык, сконструированный, например, конкретными медиа. И сразу становится понятно, что это история часто про монополию на информацию и про попытку захватить внимание и мнение отдельно взятого человека. Когда я увидела эту путаницу, этого жуткого третьего, который стоит за мной, за нами, тогда стало проще разобраться, откуда такие противоречия, почему мы сами себя не можем поймать на логической ошибке. И в этой ситуации я как раз злилась на этого третьего.

– Этот третий, он, кстати, высказывает, когда человек говорит? Как это обнаруживается?

– В моей жизни он существует постольку, поскольку я должна знать, как формируется реальность. Когда я созваниваюсь со своими родителями, которые смотрят телевизор, я должна понимать, о чем они говорят, иначе мы не поймем

друг друга. Я не могу дать гарантий, что у меня самой развит достаточно мощный критический фильтр по отношению к тому контенту и той информации, которую потребляю я сама. Но я все время стараюсь задавать вопросы даже к тому, в чем уверена.

Когда я читаю так называемые либеральные медиа, до сих пор не пойму, как с ними жить и насколько я ангажирована. В рамках разговора – и я, и мои собеседники – мы могли легко переходить на жонглирование фактами. Как только мы доходили до такого жонглирования, я понимала, что у нас разные факты. И когда мы пытались выяснить, откуда факты у меня и откуда у моего собеседника, все упиралось в эти разные медиа, из которых мы это черпаем. И тут было понятно, что наш конфликт сейчас не идеологический, а фактологический. В такой ситуации я обычно старалась уйти от этих взаимоисключающих фактов, иначе бы мы в них уперлись и никуда бы не двигались. Мы начинали разговаривать о жизненном опыте друг друга, обмениваться историями, и тут было гораздо легче коммуницировать, когда мы исключали этого третьего.

– Насколько вообще было страшно?

– Волнами. Бывало, что это было похоже на такой подъем. Чаше было чувство крутого разговора и надежды на понимание, случались невероятные диалоги с людьми, которые в итоге меня сильно изменили. Иногда был физический

страх – что меня побьют или задержат. Но сама акция настолько мягкая, что было всего несколько случаев, когда мне было очень страшно. Однажды у меня был плакат про то, что гомосексуальность уже давным-давно выведена из списка психических расстройств и является нормой. Просто какие-то факты. Один мужчина в вагоне грозился, что сейчас меня ударит за мой плакат, если я его не уберу. Пока он орал, он одной рукой обнимал свою девушку – это мне запомнилось почему-то. Так мы ехали, он минут 10 мне угрожал, говорил, что сейчас просто встанет и зазвездит мне в лицо кулаком. И я помню, что мне настолько было обидно, что мне хотелось остаться на месте не из-за какого-то внутреннего героизма, а просто назло. А потом мне нужно было выходить, и я написала на обратной стороне плаката послание и просто дала ему этот плакат, потому что не отвечала ничего на его крики. Я резюмировала наш разговор более-менее вежливо в одной фразе – «ну и чего вы этим добились?». Отдала ему этот плакат и ушла. Уже дома я писала отчет, как прошла моя сегодняшняя поездка. И его очень сильно зарепостили в Фейсбуке. И мне кажется, что победа в этой ситуации – хотя не стоит, наверно, тут какими-то милитаристскими терминами орудовать, – не победа, а важность этой ситуации была в том, что через один из репостов моего отчета нашелся человек, который сидел все это время рядом со мной и молчал. И он написал комментарий, что ему очень стыдно, что он все это видел – и молчал. Попросил у меня

прощения. А я до этого момента – шел третий месяц тихого пикета – не ожидала, что онлайн и офлайн могут так пересекаться и перетекать друг в друга. Потом стало много историй, когда кто-то уже узнавал меня благодаря публикациям в соцсетях, и подходил разговаривать.

Еще мне запомнился случай, когда одна девушка-тихопикетчица бежала по мосту и потеряла свой плакат о том, что мужчины и женщины должны поровну делить обязанности по дому. Она написала об этом пост в паблик акции: «Бежала по мосту, потеряла плакат, очень жалко, сделаю новый». Но по хештегу (на каждом плакате у нас есть хештег #тихий-пикет) мы его нашли в паблике «Подслушано МГУ». И там был пост парня, который шел по этому мосту, нашел плакат и стал сам с ним ходить. Там была трогательная фотография этого грязного заляпанного плаката, с которым он сам теперь ходит. Сначала девочка ходила с этим плакатом, теперь мальчик ходил с этим плакатом. Они нашли друг друга в комментариях и радовались. Самое замечательное, когда происходят такие вещи.

– Сколько сейчас людей участвовало?

– Я сейчас практически не слежу. Уже больше года я сознательно вышла из проекта. Но, по-моему, я насчитывала человек 800–850. Я по хештегу периодически смотрю, новые люди появляются, многие выкладывают у себя на страницах. По последним подсчетам, было 800. Было 42 города, около

25 стран, где были активисты.

– 25 стран?

– Да. То есть тихие пикеты есть на разных языках и продолжают на разных языках. Есть английский хештег. Помню, что акция была в Испании, Франции, Нидерландах, Украине, Беларуси, Абхазии, Камбодже, Австрии, США, Канаде, Швеции, Норвегии. Понятно, что в некоторых из этих стран всего по одному человеку, но все равно.

– Какая у людей, пришедших в тихий пикет, мотивация?

– Я не могу говорить за всех. И мне кажется, что суть тихого пикета еще и в том, что каждый участвует в нем так, как считает нужным, по мере собственных возможностей, придерживаясь рекомендаций, которые были коллективно нами сформулированы. Поэтому мы взаимодействуем и внутри движения, медиация, постоянная коммуникация происходит и друг с другом. Мы формулировали вместе какие-то плакаты, пытались вместе понять, как лучше, обращались друг к другу за советом. Мне кажется, что тут, кроме желания от первого лица рассказать о какой-то проблеме и поговорить с кем-то незнакомым, есть желание быть частью сообщества, в котором комфортно и безопасно, или частью нового сообщества, которого еще нет. Повестка тихого пикета была очень разная, очень многофункциональная, не толь-

ко феминистская, там был и экоактивизм, и веганы, и люди, которые делают плакаты о правах человека, художники, которые делают современное искусство. Нам было интересно друг с другом. Помню, несколько человек писали поэтические тексты на своих плакатах, поэтому наш разговор превращался в мини-лекцию про какого-то поэта. Я и сама через плакаты рассказывала на улицах про современную поэзию. И мы спорили с людьми, поэзия это или нет. Рассказывала про Всеволода Некрасова, еще про каких-то поэтов-нонконформистов. И мне люди в свою очередь рассказывали о поэтах, о которых я вообще ничего не знала.

Я была против героизации тихого пикета, потому что всегда все стремятся сделать из активистов героев. Эта героическая надстройка все портит. Потому что ты начинаешь думать: вот, есть такая классная активистка, я никогда не стану, как она, она героиня, я просто умру у себя на диване. Мне писали такие сообщения. И этот человек не догадывался, что эта «героическая активистка» точно так же хочет умереть у себя на диване и не мыслит то, что она делает, героическим.

Без героического груза существовать в активизме гораздо легче. У нас было негласное правило – не противопоставлять себя как активистов и людей, на которых якобы этот активизм направлен. Потому что это опять получается субъектно-объектная система отношений, где активист – это субъект, который на кого-то в одностороннем порядке воздей-

ствуем.

Мы с тихопикетирующими пытались проводить какие-то внутренние тренинги по коммуникации, обменивались практиками, у кого что лучше выходит. Учились друг у друга, как правильно вывести разговор из тупика, если он зашел в тупик. Или пытались понять, откуда берется и наша, и чужая агрессия. Потому что она же не просто так вспыхивает. И плюс ко всему это была постоянная взаимопомощь. Я знаю, что есть несколько чатов, где объединились девушки-активистки, которые в своих городах оказывают помощь пострадавшим от домашнего и сексуального насилия, и они нашли друг друга через эту акцию, и они занимаются тихим пикетом.

– Я не знаю, мне кажется, что, по-своему, конечно, [такая акция] мягкая, но идти и коммуницировать с людьми по таким серьезным темам... Я, наверное, слишком травмирована опытом своего активизма, но у меня при виде плаката просто трясучка начинается. Потому что, как только ты достаешь и разворачиваешь плакат, через 10 минут или через 10 секунд тебя либо задерживают, либо пиздят, либо пиздят и задерживают. Короче, не очень много вариантов. Я еще помню, что, когда я приходила, мне казалось, что я пытаюсь объяснить людям настолько самоочевидные вещи, что тут особо не о чем коммуницировать, мне просто нужно выйти и показать, что я такой

же человек, как все. И это же очевидно, что если я такой же человек, как все, то есть нормальная, хорошая, улыбчивая девочка, то общество должно мне кивнуть и сказать – да, возьмите себе человеческие нормальные права, вот сейчас мы видим, что у тебя нет рогов и копыт, вообще ты милая и вежливая. И когда вместо какого-то кусочка прав тебе прилетает по голове, то вырабатывается, с одной стороны, аллергия на такую форму коммуникации, как плакат, и потом возникает, не знаю, называть ли это агрессией... Наверное, да. Не хочется быть тихой, не хочется быть вежливой, делать всем вокруг комфортно, ведь тебе постоянно делают некомфортно. Поэтому меня тихий пикет поразили и его правила тоже, которые вы выработали.

– Мы старались быть бережными не только к окружающим, но и к себе, потому что подобная акция отнимает много сил. Те люди, которые не чувствовали себя в состоянии говорить с незнакомцами на улице, помогали с модерацией онлайн-сообществ – отвечали на вопросы в комментариях под постами. Постепенно тихий пикет превратился в образовательный проект. Мы друг друга образовывали, обменивались списками литературы, выкладывали их в публичный доступ, привлекали экспертов из разных областей знания.

Но сама я плохо справлялась с заботой о себе. Через год акции у меня началось то, что мы сейчас называем выгоранием. Я не спускалась после этого в метро около года – там ме-

ня ждали панические атаки. Я думаю, что это связано с сильной эмоциональной перегрузкой, потому что ты постоянно разговариваешь и чувствуешь, что в какой-то момент начинаешь на себя много брать и думать о продуктивности разговора или слишком сильно сопереживать тому, кто с тобой говорит. Зато я научилась делать такую штуку. Когда я начинала разговаривать с людьми в рамках акции, я быстро и мимоходом обозначала правила разговора «давайте мы сейчас поговорим, только, пожалуйста, взаимно вежливо, хотя, возможно, я буду говорить вещи, которые вам не понравятся». И это работало. Мы были с собеседником уже в этой заданной системе координат.

– Вообще насколько люди сами шли на контакт?

– Да, правило тихого пикета – мы первыми не говорим. Молчим, пока нас не спросят или не обратятся к нам с явно вопросительным жестом. И это на самом деле облегчало жизнь, потому что мы перекладывали коммуникативную инициативу на тех, кто хотел получить от нас диалог.

Я всегда очень чутко следила за чужими взглядами. Я понимала, кто смотрит, и если видела, что у него плохое зрение (человек щурится), старалась подойти ближе, но так, чтобы человек не понял, что я его поймала.

А еще в вагоне метро очень много отражающих поверхностей. И я этим пользовалась, смотрела, кто стоит у меня за спиной, аккуратно разворачивала плакат в их сторону, на-

блюдала за их процессом чтения. Если я заходила в вагон и понимала, что он практически пустой, я прикидывала, куда мне встать, чтобы максимальное количество человек меня увидело. Я всегда смотрела на людей, была очень на них сконцентрирована. Придумывала всякие трюки. Например, переворачивала плакат вверх ногами и смотрела, как все поворачивают голову вбок, чтобы прочесть. Это превращалось в такой спонтанный коллективный перформанс, где все упиралось в мой текст.

Мне еще было в кайф наблюдать за менее уловимыми вещами: например, я видела, как девушка читала мой плакат, но когда она увидела, что я за ней наблюдаю, сразу отводила глаза и делала вид, что ничего такого не было, а я начинала ей улыбаться, чтобы дать понять, что все в порядке, и тогда она улыбалась мне в ответ и продолжала чтение. По сути, это тоже разговор. С полицейскими, кстати, разговоры у меня почему-то часто происходили.

– Кстати, что с полицейскими?

– Один раз я ехала в вагоне, где были только полицейские.

– А что был за плакат?

– Про феминизм. У меня 70 % плакатов были про феминизм. Сейчас не помню, но что-то, как обычно, про гендерное насилие, наверное. И я попала в вагон с полицейскими. В общем, они куда-то ехали по своим делам полицейским,

человек 35. И я просто стояла, потупив глаза, потому что боялась, что сейчас что-то произойдет. Но в итоге мы разговорились с несколькими, кто стоял возле меня. Они мне тогда сказали: «Да мы уже не на работе, что ты жмешься, не бойся». Меня это тогда поразило, что у них так оно разделяется – полицейское и человеческое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.